

Жанна Лельчук
Александр Лельчук

В Петропавловске-
Камчатском -
полюс...

Повести и стихи

Жанна Лельчук

**В Петропавловске-
Камчатском – полночь...**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лельчук Ж. Л.

В Петропавловске-Камчатском – полночь... / Ж. Л. Лельчук —
«Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-00204-745-1

Дорогие читатели! У вас в руках первое издание творческого тандема - Жанны и Александра Лельчук. Жанна Лельчук - прозаик, член Союза Российских писателей и обладатель многих литературных наград, продолжает удивлять своими увлекательными и острыми сюжетами. По словам Лолы Звонаревой, секретаря Союза писателей Москвы, "...интрига в произведениях Жанны Лельчук разворачивается подобно металлической пружине, стремительно и непредсказуемо". Александр - поэт. Его тонкие и проникновенные стихи прекрасно сочетаются с прозой его племянницы. Оба автора прожили большую часть своей жизни на Камчатке: Жанна преподавала английский язык в педагогическом вузе, а Александр долгие годы ходил в моря, затем работал юристом. И прозу и стихи в этой книге объединяет одна общая тема - любовь. Это и любовь к жизни, и любовь к людям, и любовь к Камчатке, которой авторы посвятили значительную часть своего творчества.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00204-745-1

© Лельчук Ж. Л., 2022

© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Предисловие	6
Жанна Лельчук, Александр Лельчук	7
Александр Лельчук	22
Рыбацкая удача	23
Письмо в район промысла	24
Жанна Лельчук	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жанна Лельчук, Александр Лельчук В Петропавловске-Камчатском – полночь...

© Жанна Лельчук, Александр Лельчук, 2022

Оформление и компьютерная графика – Жанна Лельчук

Фото на обложке – Натали Фед

Иллюстрация на стр. 86 – Наталья Баженова

* * *

*Памяти Леонида Павловича Лельчука, отца и брата, наставника
и друга...*

Предисловие

Два моря Беринга

«Два берега моря Беринга» – так отозвался о творчестве Жанны Лельчук известный российский писатель Игорь Дуэль: *«Автору книги выпала необычная судьба. И дело не в том, что Жанна родилась и выросла на Камчатке. Такое случается. Ей выпала судьба побывать, пожить и поработать по обе стороны Берингова моря... Переполнившись самыми разнообразными впечатлениями о жизни на Камчатке и на Аляске, Жанна делится ими в своих очерках, рассказах и повестях...»*. На творческом вечере Ж. Лельчук в Москве в Булгаковском доме именитые писатели и критики долго спорили, к какому жанру принадлежит творчество Лельчук. Игорь Дуэль настаивал на публицистике. Лоле Звонаревой, секретарю союза писателей Москвы, больше по душе пришлись прозаические произведения Жанны. Знаменитый детский писатель Владислав Бахревский отстаивал ее детские рассказы и повести. Сам автор считает, что лучше всего у нее получается проза, хотя не прочь отвлечься и на другие жанры. «Все зависит от настроения и времени», – говорит Жанна. И очень жалеет, что не пишет стихи, чего не скажешь о ее дяде – Александре.

Александр Лельчук, в отличие от своей племянницы, познал не только два берега моря Беринга. Попав на Камчатку из Смоленска в юности, он закончил школу и поступил в мореходное училище, после окончания которого долгие годы бороздил моря и океаны, побывав в самых разных странах и уголках земли. В минуты одиночества и тоски по дому он писал стихи. Александр всегда любил поэзию, но никогда не относился к ней серьезно. Для него это было просто увлечением. Каждое новое стихотворение – отражение его души. Это любовь и грусть, радость встреч и расставаний. Это море и берег, путина и рыбацкая удача. Его стихи – честные, искренние и очень эмоциональные. Их не так много. Потому что потом Александр оставит море и поменяет профессию рыбака на более спокойную профессию юриста и перестанет писать стихи. И только уже совсем в зрелом возрасте он вернется снова к поэтическому творчеству, и хочется надеяться, на этот раз – навсегда.

В сборник вошли повести Жанны Лельчук и стихотворения Александра Лельчука разных лет.

Жанна Лельчук, Александр Лельчук

Девушка, которая ждала

(или почти реальная история)

*Я твердо уверен – к тебе я приду,
Когда только, сам не знаю.
Я вновь обрету тебя, вновь найду,
А может, опять потеряю...*

Холодным зимним вечером теплоход «Соболева», после долгого плаванья в бурном Тихом океане, бросил якорь в Авачинской бухте Петропавловска-Камчатского. Стояла зима 1971 года, холодная, безжалостная, с промозглыми туманами и пронизывающими ветрами. Темнело рано. Уже к шести часам на город опускалась крошечная тьма, и только уличные фонари да окошки в домах поблескивали яркими огоньками. Эти огни притягивали, манили моряков всех судов, что стояли в Авачинской бухте на рейде.

Моряки «Соболева» дружно выскочили из своих кают на палубу. Стоя на холодном ветру, они с волнением вглядывались в скрытую за густым туманом береговую полосу, предвкушая приятное времяпровождение уже совсем скоро. Сумерки опускались на город довольно быстро. Нужно было успеть «спрыгнуть» на берег до наступления темноты. О том, как они будут возвращаться на судно, никто не думал. В тот момент это было неважно. Важно было быстрее сойти на берег. Кто-то вообще не собирался возвращаться, втайне надеясь познакомиться с одной из местных красоток, а таких на берегу было сколько угодно, и провести вместе приятный вечер, а там глядишь – и всю ночь!

Знаменитый ресторан «Камчатка» при гостинице «Восток» в центре Петропавловска был местом отдыха как Камчатских, так и заезжих моряков. Место удачное, удобное – в центре города, в аккурат напротив морского порта. Ресторан на первом этаже, гостиница выше. Всегда можно остаться на ночь. И не в одиночестве.

В ожидании приятного вечера и ночи моряки – те, что были свободны от вахт до утра – нетерпеливо топтались на палубе. Вот-вот должен был подойти рейдовый катер. Чем быстрее темнело синее небо, тем сильнее манил берег, подмигивая им пляшущими желтыми огнями, пробивающимися сквозь туман. Когда, наконец, катер пришвартовался в порту, было уже совсем темно. Моряки с шумом вывалились на берег. До гостиницы «Восток» и ресторана «Камчатка» – рукой подать. Можно было прогуляться, но холодный пронизывающий ветер быстро загнал морячков в уходящий от морского вокзала автобус № 25. Проехав всего одну остановку, а затем сбежав вниз по полузамерзшей, покрытой льдом лестнице с верхней Советской на нижнюю Ленинскую, они радостно и шумно ввалились в ресторан, под любопытные взгляды окружающих и громкую музыку местного эстрадного оркестра.

Официантки засуетились, забегали. Задвигались столы, заплясали стулья – стол на пятнадцать человек был организован мгновенно. На стол брошены салат «Оливье», селедка с отварным картофелем, посыпанные сверху зеленым луком, соленые огурчики, томатный сок – традиционный набор закусок тех времен во всех ресторанах. Из напитков – томатный сок, пиво, водка. Много пива и много водки! Что еще нужно моряку, сошедшему на берег?

«Центровым» в компании морячков «Соболева» был Пашка. Внешность у Пашки была вполне заурядная: он не отличался ни ростом, ни мускулатурой – этакий невысокий, нескладный парнишка, далеко не красавец. Но стоило Пашке открыть рот и заговорить, как все внимание смещалось на него. Веселый балагур и шутник, он был душой любого застолья: красноречиво рассказывал о своих морских похождениях, раскрашивая заурядные приключения

палитрой таких ярких красок, что даже простая и незамысловатая история превращалась в красивую сказку. С виду болтун и баламут, в душе Пашка был поэт. По ночам, когда не спалось, он лежал в постели и сочинял стихи. Впрочем, не надо было даже сочинять или что-то придумывать. Стихи возникали сами и витали в воздухе – тонкие, пронизывающие. Стихи свои Пашка никому не показывал, прятал. И о том, что он их сочиняет по ночам, тоже никому не рассказывал. Это были *его* стихи, *его* личное пространство, закрытое для всех остальных, куда он никого не пускал. О том, что Пашка был поэт, друзья даже не догадывались. На всех вечеринках и посиделках они пытались соревноваться с Пашкой в остроумии, но быстро остывали, понимая, что им не подняться до его уровня, и тем самым оставляя победу за ним. Его тонкий, не казарменный, как у остальных, юмор привлекал внимание девушек. Вот и сегодня приятели-морячки, заигрывая с официантками и подмигивая сидящим за другими столиками девушкам, отпускали соленые плоские шутки. Они соревновались – на кого первого обратят внимание. Но выбирать не спешили. Знали, Пашке конкурентов нет. Ему достаточно было только захотеть, и он не оставлял никому шансов. Друзья не обижались. Зная заранее, что Пашке достанется та, которую он пожелает, они не спешили с выбором красавиц, выжидая, когда их приятель, наконец, сделает свой выбор на сегодняшний вечер, а уж они будут довольствоваться тем, что останется. Но сегодня Пашка, как ни странно, молчал.

Официантки улыбались, прислушиваясь к шуточкам, и одновременно не забывая менять блюда и тарелки. Одна из них, Танечка, была необыкновенно хороша – мраморная кожа, голубые глаза, курчавые светлые волосы, аккуратно сложенные на затылке и обнажавшие тонкий шейный изгиб. С таких как она великие художники писали свои шедевры, а скульпторы создавали образы богинь. Танечка совершенно не вписывалась в «ту» сторону ресторана. Она скорее подходила на роль утонченной дамы в дорогом вечернем платье, идущей под руку с капитаном дальнего плавания или, на худой конец, просто сидящей за столиком по «эту» сторону. Тем не менее, Танечка была там, где была, и, соскучившиеся по женскому теплу, морячки с вожделением бросали на нее жаркие взгляды. Танечка была старшей среди официанток. Она быстро и справно давала указания другим девушкам, зорко следя, чтобы тарелки были полные и налив не заканчивался.

Веселье шло полным ходом. Гремела музыка, захмелевшие моряки приглашали дам на танго. Девушки не отказывали, они ловили удачу. Кто-то искал тепла и любви, кто-то просто приятного времяпровождения, а кто-то руководствовался простым расчетом: сегодня – морячок, а завтра – капитан! Были и такие, которые мечтали получить все сразу – и времяпровождение, и любовь, и капитана. Каждый вечер девушки приходили в ресторан «Камчатка» именно с этой надеждой. Уходили тоже обнадеженные, не в одиночестве. Но заканчивалось все, как правило, одинаково банально. На утро морячок исчезал, обещая позвонить. Или назначал свидание и не являлся. В лучшем случае, роман продолжался несколько дней, пока судно стояло у берега. Потом прощания, обещания и... прощай, голубка! Здравствуй, новый порт!

К полночи заиграли последнее танго. Приглашали дамы. Пары слились в медленном, уже откровенно интимном танце. Для них это был не конец, а скорее начало. Начало ночи. Каждый уже знал, куда пойдет и с кем. И только Пашка сидел за столом, по-прежнему одинокий и молчаливый, хмуро глядя на танцующие пары. Подошла Татьяна. Поставила на стол закуски. Посмотрела на Пашку сочувствующим взглядом.

– А вы чего такой грустный? И почему не танцуете?

Он молча оглядел ее слегка опьяневшим взглядом.

– Что-то не хочется...

И вдруг встрепенулся.

– Вот с тобой бы пошел. Пойдешь? Потанцуем?

Она покачала головой, улыбаясь нежной, как у Моны Лизы, улыбкой.

– Мне нельзя, я на работе.

– А если клиент просит? – Пашка посмотрел на нее вопросительно.

– Нельзя. Работу потеряю.

– Ладно. Понял.

Он поднял рюмку, одним движением опустошил ее содержимое и выдохнул. Татьяна, собрав ненужные тарелки, направилась в сторону буфета.

– Подожди! – вдруг крикнул он.

Он поднялся, подошел к ней, аккуратно забрал у нее грязную посуду, вернулся на место и снова водрузил все на стол.

– А присесть на минутку можешь?

И не дожидаясь ответа, взял ее за плечи и усадил на пустой стул рядом.

– Ну, если только на минутку... – пробормотала она, растерянно озираясь по сторонам.

– Вот и славно, – он улыбнулся, – посиди со мной, тоскливо мне...

– Случилось чего? – осторожно спросила она.

– Случилось. Свинья я последняя! – вздохнул Пашка. – Сиж тут, выпиваю. А ведь у меня тут семья в городе. Брат, племянники. Они меня ждут. Я им подарки обещал, племяшкам. Они уже давно много не просят – только резинку жевательную, японскую.

– Так в чем проблема? Сейчас здесь все закроется и иди к ним!

Он покачал головой.

– Не могу. Поздно уже. Спят племяшки.

– Семья – никогда не поздно! – твердо сказала она.

– Нет. Сразу надо было, да вот поддался стадному инстинкту. Куда все – туда я. Не отрываться же от коллектива! Да и подарков я никаких не привез, а с пустыми руками... Я племяшкам в глаза смотреть не смогу.

– Да, дела... – произнесла Таня. – Что ж теперь?

– А ничего, – он махнул рукой, – вот погуляем с ребятами, и на судно, а там – снова в поход. Море зовет.

– Ладно, удачи тебе, – улыбнулась Татьяна, – а мне надо работать.

Она поднялась. Он взял ее за руку.

– Павел. Меня Павлом зовут. Можно просто – Паша.

Она улыбнулась.

– А я – Татьяна. Можно просто – Таня.

– Красивое имя – Татьяна, Таня, Танечка, Танюша.

Она смутилась, покраснела. Попыталась освободить руку. Он не отпустил.

– Пусти, у меня будут неприятности, – попросила она.

Он отпустил. Она пошла. Он смотрел ей вслед. Как будто почувствовав его взгляд, она остановилась на мгновение, о чем-то размышляя, потом развернулась, подошла обратно к его столику.

– Хочешь, прогуляемся после смены? – неловко спросила она, явно смущаясь. – Сегодня не так холодно...

– Заметано! – Пашка просиял. – Сиж здесь и не двигаюсь до конца смены.

Закончился последний танец. Морячки разбредались – кто куда. Совсем немногие возвращались на судно в ночь. В основном расходились парами до утра. Пашка сидел за столиком и ждал Татьяну. Приятели хлопали по плечу, сочувствуя ему – такой вечер упустил! Но он не спешил раскрывать свои карты – пусть посочувствуют. Еще неизвестно, кто кому будет завидовать! Чувство вины перед племяшками прошло, и он уже предвкушал приятное продолжение вечера, который сам себе чуть не испортил!

– Ну что, Паш, поплывешь обратно на судно? – с иронией в голосе произнес Серега, напарник-радист. – Не прокатило сегодня?

И он сочувственно похлопал Пашку по плечу.

– Поплыву, – притворно вздохнул Пашка, – вот только Танечку провожу, погуляем чутка, а там можно и на судно!

И он кивнул головой в сторону Тани. Серега вытаращил глаза от удивления.

– И когда успел? – пробормотал он тихо себе под нос. – Наш пострел везде поспел.

Скоро уже весь состав моряков был в курсе, что Пашка уходит с Танькой. Морячки посмеивались, подшучивали, но явно завидовали: пожиратель женских сердец опять их обошел, при этом даже не особо утруждаясь.

Ресторан опустел. Пашка пошел одеваться, предварительно купив бутылку коньяка в буфете. Коньяк армянский, пять звезд – пять рублей. Баснословно дорого по тем деньгам, но нельзя падать лицом в грязь перед такой девушкой!

Он ждал ее на крыльце у выхода. Она выпорхнула из дверей, как бабочка, легкая и изящная. И они пошли вдоль улицы, до Театральной площади. Настроение Пашки улучшилось, он уже не думал о том, что где-то там, на Рябиковке, его ждет семья, к которой сегодня он так и не попал. «Ничего, – успокаивал он сам себя, – вот пойдем скоро в Японию, накуплю подарков племяншам, вот тогда и заявлюсь! А с пустыми руками-то совсем никак!»

Пашка шутил, рассказывал Татьяне веселые истории из своей жизни. Она слушала, тоже смеялась и не задавала никаких вопросов. Им было легко и хорошо вдвоем. Набродившись по улицам, окончательно замерзнув в своей тонкой курточке, Татьяна, наконец, призналась:

– Надо ехать. Холодно уже, и очень поздно.

– Конечно! – согласился он мгновенно. – Говори адрес!

– Мне в Завойко. Еще успею на последний автобус.

Завойко! Пашка никак не ожидал, что Танечка может жить в такой глуши! От Театральной площади, где они гуляли, нужно было добираться до конечной остановки, жестяно-баночной фабрики, которую местные жители называли просто ЖБФ, а оттуда еще трястись на автобусе как минимум полчаса до самого поселка Завойко. Автобусы туда ходили очень редко и строго по расписанию. Татьяна потянула его на остановку, но Пашка резко остановил ее. Какой, к черту, автобус? Он, в конце концов, моряк! Провожать девушку на автобусе ниже его достоинства! Уверенным движением он быстро остановил проходящее мимо такси. О, эти таксисты семидесятых годов прошлого века! Они ловко и умело зарабатывали на таких как Пашка, заранее зная, что после закрытия любого городского ресторана, парни, провожающие девушек и не желающие ударить лицом в грязь, не скупятся на такси. Цепочка машин с зелеными огоньками выстраивалась у ресторанов в очередь после одиннадцати. С того момента и до полуночи, это был их основной заработок. Они нагло, не стесняясь, объявляли свою цену, заранее зная, что в присутствии дам кавалеры спорить не будут. И всегда выигрывали эту игру. Так вышло и на этот раз. Не успел Пашка назвать таксисту адрес, как тот бросил небрежно:

– Завойко? Четвертак!

Он смотрел на Пашку нагло, подергивая своими противными тонкими усиками и делая вид, что не замечает Татьяну. Танечка услышала и замахала руками в отчаянии. Пашка уверенно подтолкнул девушку к машине.

– Садись!

И, повернувшись к таксисту так, чтобы Татьяна не увидела его лица, проскрежетал сквозь зубы:

– Поехали!

Плевать на алчного таксиста! Пашка уже предвкушал тепло и уют небольшой квартирки Танечки, как они сидят у нее в кухне за столиком. На столе коньяк и конфеты. Они слегка пьяны. Он смотрит в ее бездонные глаза, тянется к ней, она к нему. Долгий поцелуй...

– Приехали. Завойко! – протянул таксист противным голосом, ухмыляясь своей наглой улыбкой сквозь тонкие усы и пряча двадцати пятирублевку в карман.

Пашкины мечты не сбылись. Все оказалось намного прозаичнее. Вышли у старенького двухэтажного домика, подошли к подъезду. В окошках на втором этаже горел свет. Ее окна. Там Танечку ждали с работы родители. Отец – бывший военный, отставной майор. Мать – домохозяйка. И еще бабушка, вечно беспокойная и неугомонная, как все старушки. Все это Пашка выслушивал с упавшим сердцем. Крах такого прекрасного вечера! Реальность и проза жизни разрушили, раздавили, уничтожили его сегодняшнюю мечту. Но он почему-то совсем не обижался на Татьяну. Они еще долго стояли у ее подъезда, он крепко держал ее в своих руках, не выпуская ни на секунду. Он целовал ее глаза, губы, шею, пытаясь заглушить глубокое разочарование поцелуями. Она не сопротивлялась. Трудно сказать, что это было, но оба чувствовали, что их связывает нечто большее, а не просто эти страстные поцелуи в ночи. Мысль о расставании пугала – а вдруг они больше никогда не встретятся?

– Мы увидимся завтра? – шептал он сквозь поцелуи, закрывая ей рот своим ртом и не давая ответить. Она едва кивала. Ей, наконец, удалось вырваться из его объятий.

– Завтра у меня выходной, – задыхаясь от поцелуев, прошептала она, – хочешь, встретимся днем? У нас будет много времени.

– Хочу! Я заберу тебя к себе на корабль и оставлю у себя. Ты останешься?

– Да.

Она сказала это так просто, как будто они были знакомы тысячу лет и договаривались об очередной встрече уже в который раз. Он ликовал в душе. Ну и что ж, что не получилось сегодня! Зато завтра... Завтра все будет в тысячу раз лучше!

Танечка упорхнула, растаяла в дверях. Пашка побрел на автобусную остановку. Теперь, когда девушки рядом не было, можно было добраться и на автобусе. Вдруг подумал, что может еще не поздно заявиться к брату, но тут же отменил эту мысль. Было далеко за полночь. Да и как появиться в доме без подарков племянникам? Нет, это невозможно. Надо ехать назад на корабль, а завтра... Завтра он встретится с Танечкой! Сердце сладко сжималось от одной мысли, что они проведут день и ночь вместе.

Он шел в распахнутой куртке и совсем не чувствовал холода. Его качало, он был пьян то ли от выпитого в ресторане коньяка, то ли от поцелуев. На остановке стояла машина – знакомое такси. Пашка прошел мимо. Дверь открылась, таксист высунул голову.

– Эй, морячок, ты что ль?

– Я, – вздохнул Пашка.

– Что, не склеилось?

Пашка пожал плечами. Не хватало еще, чтобы этот усатый нахал насмеялся над ним!

– Почему сразу «не склеилось»? Проводил девушку до дома. Все нормально, завтра снова увидимся.

– Ну-ну, – усмехнулся таксист. – Давай, садись, довезу до города за пятерку.

Пашка сунул руку в карман. Нашупал мелочь. В другом кармане – бутылка коньяка. И все.

– Спасибо, на автобусе доеду.

– Не будет автобуса, последний ушел, пока вы там «проводились».

Пашка задумался. Вытащил коньяк.

– Коньяком возьмешь? Армянский, пять звезд – та же пятерка.

– Садись, чего уж там! – махнул рукой таксист. – Не замерзать же тут!

Пашке вдруг стало легко, он впрыгнул в машину, небрежно вытащил коньяк и положил бутылку на сиденье рядом. Он вдруг понял, что совершенно не обижается на таксиста и простил ему даже его противные усы и ухмылку. В конце концов, каждый в этом мире выживает, как может.

– Куда едем, моряк? – спросил таксист.

– До порта добросишь? Попробую попасть обратно на судно.

– А что, это так сложно? – полюбопытствовал таксист.

– Не сложно, когда корабль в порту. А вот если на рейде... Не пришлют катер, придется ночевать на вокзале, – вздохнул Пашка.

– Ладно, в порт так в порт. Поехали! – бросил таксист и нажал на педаль газа.

Доехали быстро. Город был пуст, только редкие зеленоглазые «Волги» с шашечками на боку сновали по городу. Ночь в Петропавловске – время таксистов.

– Эй, моряк, вернись, ты коньяк забыл! – крикнул вслед таксист.

– Так то ж тебе! – удивился Пашка, обернувшись.

– Ты что, думаешь, я совсем сволочь последняя? – лукаво подмигнул таксист. – Забирай, тебе нужнее. Да и нельзя мне, я за рулем.

И он протянул Пашке бутылку с коньяком. Пашка молча взял коньяк, сунул за пазуху и, кивнув таксисту в благодарность, побрел в сторону морвокзала.

Диспетчерская порта работала круглосуточно. Диспетчера Пашку обрадовали, сообщив, что ехать никуда не надо, как и не нужно ночевать на вокзале. Пока они с друзьями веселились в ресторане, корабль подошел к причалу, и теперь стоял прямо напротив вокзала, радостно подмигивая Пашке светом ночных иллюминаторов. Добравшись до постели, он упал, не раздеваясь, и мгновенно уснул.

Утром, открыв глаза, Пашка ничего не понял. Корабль покачивало, как будто они вышли в море. Он быстро спрыгнул с койки и выглянул в окошко. За окном и впрямь шумело море, кричали чайки. Пашка протер глаза. Что происходит? Почему они в море? Корабль только вчера вечером пришвартовался к берегу, и стоять им в порту еще как минимум целый день и целую ночь!

Мгновенно одевшись, он кинулся в радиорубку. Серега-радист, сменщик, встретил Пашку с выражением удивления.

– А ты чего, Паш? Уже нагулялся? Твоя смена завтра с утра, иди спи!

– Почему мы не в порту? – в отчаянии Пашка не говорил – кричал.

– А ты не в курсе? – поднял брови радист. – Вроде все уже знают. Уходим в Находку, там загрузка лесом и... на Японию! Я-по-на мать! Класс, правда? Ждем последних ребят на рейде, кто не вернулся с вечера. Катер за ними уже отправили, так что к полудню уходим.

Сердце упало. Все планы и мечты рухнули в одну секунду. Пашка брел по корабельной палубе и не мог поверить в случившееся. Представлял, как Танечка приходит сегодня на свидание, ждет его, ждет долго, стоя на площади у театра, на пронизывающем ветру, в своей легкой холодной курточке. Представлял, как она мерзнет, но не уходит, потому что он, Пашка, не может обмануть! Дурак, идиот! Не мог назначить свидание в каком-нибудь другом месте, где не так холодно, и где ветер не свистит над головой! Он проклинал себя за такую неосмотрительность. Сердце его разрывалось от боли и тоски, от жалости к себе и Танечке, но изменить он ничего не мог. Не мог даже ей позвонить – некуда. Телефона в ее доме не было, как и во многих домах того времени. Встреча откладывалась на очень долгое время. Если, конечно, вообще Татьяна захочет с ним встречаться после такого обмана.

День прошел как в тумане. Пашка лежал на кровати с закрытыми глазами. Он не спал. Он вспоминал вчерашний вечер. Ему казалось, что Танечка здесь, рядом с ним. Они лежат, обнявшись, в его тесной кровати, и он читает ей свои стихи. Стихи! Слова как-то сами начали быстро складываться в строчки, строчки полились ручейком:

Радость моя нечаянная,
Песня моя неспетая...
Сердце стучит отчаянно —
Это письмо безответное.
Сердце мое неужемное

Верит любой примете.
Спасибо тебе огромное,
За то, что ты есть на свете!

Ветром хочу быть трепетным,
Ласкать, обнимать твои волосы,
Шептать тебе нежным лепетом,
Кричать тебе громким голосом.
Волшебником стану таинственным —
Небом. Землею. Морем.
Хочу быть твоим единственным —
Счастьем твоим и горем!

Он лежал и видел ее снова и снова. Боялся открыть глаза, боялся, что видение исчезнет. И каждый раз, когда представлял ее, стоящую на холодном ветру, сердце его снова и снова сжималось от нежности и жалости. Он посылал ей сигналы тепла и любви – свои стихи, в надежде, что она услышит и поймет. В конце концов, он – моряк. А у моряков в жизни полно неожиданностей. Ну должна же она догадаться! Думать по-другому не хотелось.

Вечером, прихватив с собой бутылку того самого армянского коньяка за пять рублей, Пашка пошел в радиорубку. Заступать на смену было еще рано, но сидеть одному в каюте было невыносимо. Ребята обрадовались – дорогой коньяк, да еще и «на шару»! Разлили коньяк по рюмкам, произнесли тост и... Дверь в радиорубку отворилась – вошел капитан. Морячки струхнули. Коньяк повис в воздухе. Капитан, не обращая никакого внимания на их смущение, огляделся, снял телогрейку, присел.

– Что празднуем, орлы?

– Да вот... – замялся Серега, – Павел угощает. Не желаете присоединиться?

– Нет, спасибо, ребятки, – капитан отмахнулся, – я по делу. Личному. Где тут у вас ручка или карандаш? Радиограмму отбить надо.

Серега подскочил, засуетился. Нашел ручку и лист бумаги, всунул капитану. Усевшись поудобнее, капитан начал писать под всеобщее молчание. Рюмки с невыпитым коньяком стояли на столе. Пашка смотрел на капитана и размышлял о том, что почему-то в кино и по телевизору моряков всегда показывают в полной выправке, при параде, в форме и с погонами. А в жизни все не так. Вот сидит перед ним капитан в обычной робе, в тапочках, телогрейка рядом лежит. Встретишь на улице и никогда не скажешь, что перед тобой капитан большого судна!

Капитан закончил писать, протянул Сереге текст радиограммы и ушел на мостик. Ребята в нерешительности смотрели на коньяк. Почему-то расхотелось пить. Из ступора их вывел внезапный свист и удивленный возглас. Серега помахал радиограммой капитана у Пашки перед носом.

– Вот это я понимаю! Учись, Паш, как надо за девушками ухаживать, это тебе не коньяк, пусть даже и пять звезд!

Серега развернул радиограмму текстом наружу, чтобы всем было видно: женское имя, заказ – золотое кольцо с бриллиантом, адрес доставки. Радиограмма была адресована в магазин сети «Торгмортранс», где работникам торгового порта продавали дефицитные вещи, недоступные для обычных людей. Моряки поздравляли своих любимых и друзей прямо с моря. Отбил радиограмму с указанием заказа и доставки – и готово. Оплату заказа вычитали из зарплаты. Быстро, удобно, практично.

Капитан был неженат, и об этом все знали. Ему было под шестьдесят, но не смотря на солидный возраст, он был в отличной форме: хорош собой, умен, интеллигентен. Прекрасно говорил по-английски, занимался спортом. Одним словом – мечта любой женщины от семна-

дцати до семидесяти лет. Значит, кому-то из женского пола сегодня здорово повезло: золотое кольцо с бриллиантом – не шутка!

– Что, Паш, а слабо тебе подарить тоже что-нибудь своей Танечке, а? Чтобы флот не позорить! – Серега снова помахал радиogramмой перед Пашкой.

Пашка смутился.

– Да я даже фамилию ее не знаю!

Серега пожал плечами.

– А зачем фамилия? Имя знаешь, адрес знаешь – на такси провожал? Провожал! На вот, выбирай!

И Серега протянул Пашке несколько скрепленных листов бумаги – ассортимент товаров. Пашка машинально просмотрел список – чего там только не было! Духи, ковры, одежда, недоступные простому смертному, заморские коньяки и вина, которые пили только в зарубежных фильмах, и даже тюль и хрусталь, по которым сходили с ума его береговые родственники. Пашка растерянно смотрел на списки.

– А что выбрать то?

– Ну, тебе виднее. Девчонки молодые шмотки красивые любят. Может сапоги какие импортные или куртку? Если сильно дорого, то платок пуховый. А можно шарф мохеровый.

Перед глазами вдруг предстала Танечка, как стоит она на ветру, в своей тонкой курточке на рыбьем меху и стучит зубами от холода. Сердце сжалось от жалости.

– Может... полушубок какой? Что потеплее... – нерешительно пробормотал Пашка.

– Чего уж там, – усмехнулся Серега, – гулять так гулять, давай уж сразу шубу! Чтоб навек твоя!

И впрямь, подумал Пашка, на свидание он не пришел, не позвонил, о себе ничего не сообщил. Татьяна что угодно может подумать. А получит подарок – поймет, что не бросил он ее. Просто так сложилось. И будет ждать. А вдруг, это – судьба?

– А размер? Как я узнаю, какой у нее размер? – озадаченно спросил Пашка.

Серега ухмыльнулся и подмигнул.

– Ай-я-яй, не успел размерчик снять?

Пашка нахмурился.

– Ладно, ладно, шучу! Давай Зойку спросим, она все про баб знает. Они с Татьяной похожи?

– Совсем не похожи! – фыркнул Пашка.

– Дурак, я не в том смысле! Фигурами, ростом схожи?

– Ну, вроде да.

– Вот и делов-то!

Заспанная корабельная буфетчица Зойка долго не могла понять, чего от нее хотят подвыпившие радисты. В конце концов, сообразив, что им надо, недовольно посоветовала шубу брать сорок восьмого размера и только коричневую – цвет нынче в моде. Чертыхнувшись еще дважды, Зойка пошла досыпать дальше.

Радиogramму отстучали быстро – товар, артикул, цвет и цена – двести семьдесят три рубля. Деньги немалые по тем временам, целая зарплата! Но хорошая вещь того стоила. А хорошая девушка – тем более. Адрес и имя получателя, имя отправителя – все на месте, как и табельный номер для бухгалтерии, чтоб вычитать из Пашкиного заработка. Пашка прикинул – неплохо вышло, за месяц – максимум два он расплатится! Все, можно отправлять.

Две радиogramмы ушли на берег почти одновременно. Не позднее как завтра два человека на земле станут счастливее. С этой теплой мыслью и с чувством огромного облегчения Пашка пошел спать. В ту ночь он спал спокойно. Да, сегодня он Танечку разочаровал. Но завтра она все поймет. И простит. И будет ждать...

То было самое страшное утро в Пашкиной жизни. Он проснулся от шума – в дверь стучали. Не стучали – колотили! В каюту влетел испуганный до смерти Серега с радиограммой в руках.

– Паш, мы вчера малость переборщили!

– Чего переборщили? – пробормотал спросонья Пашка. – Коньяка? Да нет, вроде... нормально все.

Вчера они «распили» те пять звезд, но сильно пьяными не были – так, чуток.

Серега протянул радиограмму и сказал упавшим голосом:

– Вот...

Пашка взял листок. Буквы заплясали перед глазами.

«ЗАКАЗ ИСПОЛНЕН ТЧК ВРУЧЕН АДРЕСАТУ ТЧК ШУБА ЖЕНСКАЯ КАРАКУ-ЛЕВАЯ ТЧК ЦВЕТ КОРИЧНЕВЫЙ ТЧК АРТИКУЛ 1201 ТЧК ЦЕНА...»

В глазах потемнело. Этого не может быть! Они явно что-то напутали! Какие-то странные длинные цифры. Может, это номер телефона доставки? Пашка протер глаза и еще раз перечитал радиограмму. Ошибки не было. Цена была обозначена четко: две тысячи семьсот тридцать два рубля и сорок семь копеек. Плюс десять рублей за доставку.

«Десять рублей, десять рублей...» – свербило в мозгу. Десять рублей – это две бутылки коньяка! Армянского, пятизвездочного, в ресторане «Камчатка».

– Паш, понимаешь, мы вчера цифры не разглядели. Там, оказывается еще «двойка» стояла, она стерлась чуток. Да и мы поддатые были...

Пашка не слышал. В голове стучало. Тук, тук, тук. Две тысячи. Тук, тук, тук. И еще семьсот тридцать два рубля. Тук, тук. Сколько же можно коньяка набрать? И дался ему этот коньяк! Сколько ему теперь придется пахать, чтобы рассчитаться за такой легкомысленный поступок? Год? Два? Три? Таких денег и сам капитан не зарабатывает. А отпуск? Ведь он собирался в Минск, к старикам... Надо срочно идти к боцману, к капитану, наконец. Они найдут выход из любой, даже самой сложной ситуации.

За завтраком вся команда собралась в буфете. Все уже знали. Одни Пашку жалели, другие злорадно хихикали – мол, так и надо, получил по заслугам. Зойка-буфетчица только вздохнула:

– И пошто я не Танька? Ходила бы сейчас в шубе, как королева английская!

Вошел капитан, подошел к Пашке. Положил руку на плечо.

– Вот как, значит, вышло, сынок. А теперь послушай меня. Два варианта есть у тебя. Первый – можем отбить радиограмму на берег. Мол, произошла ошибка. Шубу эту твоя пассия вернет и все встанет на свои места. Вычтут с тебя только десять рублей за доставку. Ну а перед девчонкой потом тебе оправдываться. Другой вариант – все останется как есть. Шуба при девчонке, а ты при авторитете. Но будешь отрабатывать. Всю зарплату с тебя удерживать не будем, на сигареты оставим. С дополнительными заработками поможем. Будешь лишнюю вахту стоять, на берегу поработаешь в бригаде на самовыгрузку – тоже деньги. Пойдем в Японию, купишь там дешевого кримплена, гипюра, косынок и прочего барахла, а дома боцман сведет тебя с оптовиками. Расплатишься, не горюй, но учти – это надолго. Отпуск придется отменить – не лететь же к родителям с пустыми руками! Скажешь старикам, что в дальнейшем плавание уходим. Все. На этом тема закрыта. Дальше – тебе решать.

Жестом он дал понять, что разговор окончен. Пашка поплелся к себе в каюту. Он шел по длинному корабельному коридору и его покачивало – то ли от волнения моря, то ли от собственного состояния. Две тысячи семьсот тридцать два рубля и только два варианта. Какой выбрать? Можно, конечно, все быстро «завернуть» обратно – вернуть шубу и забыть навсегда о Татьяне. В конце концов, кто она ему? Даже не его девушка! Встретились всего один раз, и то не совсем удачно. И все же... Где-то глубоко внутри он понимал, что если поступит так сейчас, то потом никогда себе этого не простит. Танечкины глаза будут преследовать его повсюду, и он

будет чувствовать себя виноватым всю жизнь, будет ругать себя за слабость и меркантильность. К тому же, он – моряк. И нельзя ему, моряку, разрушить этот образ в глазах девушки.

Вечером, когда все собрались в кают-компании, боцман тихо спросил:

– Ну что, Паш, что решил?

– Все останется как есть, – гордо и громко заявил Пашка так, чтобы слышали все. – Я подарки назад не беру!

Раздались одобряющие возгласы и громкие аплодисменты.

– Молодец! – похвалил боцман. – Я нисколько в тебе не сомневался. Мужчина! Повезло твоей девушке!

– Эх, и зачем я год назад прогнала тебя? – по-прежнему сокрушалась Зойка. – Ходила бы сейчас в каракулевой шубе и брильянтах!

– Ты, Пашка, теперь навеки почетный покупатель в «Торгмортрансе»! – смеялись остальные.

А кто-то даже предложил Пашке одолжить пару тысяч на шубу жене. Одним словом, напряжение спало, все встало на свои места и вечер пошел своим чередом.

В Петропавловск судно пришло через три месяца, ранним апрельским утром. Не успев сойти на берег, Пашка бросился к гостинице «Восток». Не став ждать автобуса, он побежал вверх по улице, ведущей к гостинице и ресторану. Быстрее, быстрее! Он представлял, как широко раскроются Танечкины глаза от удивления, как он сожмет ее в объятиях и будет целовать ее лицо – глаза, губы...

Пашку встретил огромный замок. Он висел на двери ресторана и улыбался Пашке зловещими скважинами. Здание было закрыто на капитальный ремонт. Тщетно пытался Пашка найти следы Татьяны. Все работники уволились. Ремонтники были не в курсе, кто где, и ничем не могли помочь. Расстроенный, Пашка все же не терял надежды. Такси! Сейчас он поймает такси и поедет к ней, ведь он знает адрес!

Таксист, пожилой мужчина, оказался сговорчивым и много не запросил, всего пятерку. Пашка ехал и думал, что он скажет родителям Тани, если той не окажется дома. Скажет, что любит ее больше жизни. И если они не против, то уже завтра он приедет вместе с боцманом – свататься. И хоть это любовь с первого взгляда, для него серьезнее не бывает. А может, Танечка будет дома, тогда и объяснять ничего не придется. Он просто встанет на колени и будет просить ее руки.

Они приехали в Завойко. Таксист быстро нашел указанное место. Но там, где раньше стояли старые двухэтажные дома, теперь был огромный пустырь. Домов не было, как не было и улицы. Была расчищена большая площадка под застройку. В стороне стояли бульдозеры, экскаваторы, грузовики. Дальше – пусто. Пашка стоял посреди огромного пустого пространства и не верил. Мимо прошел рабочий.

– Эй, – окрикнул его Пашка, – а куда подевались люди?

– Какие люди? – удивился рабочий.

– Из домов, что тут раньше стояли.

– Ах, те... – он махнул рукой. – Так переселили их всех, в новостройки. Кого ищешь-то?

– Девушку мою, Татьяну.

– А фамилия?

Пашка опустил голову.

– Не знаю...

– Однако дела, – удивился рабочий, – твоя девушка, а фамилии не знаешь? Ну, извиняй, ничем не могу помочь.

Пашка метался вдоль пустыря в надежде встретить хоть кого-то, кто мог знать, куда переехала семья Тани. Застройка еще не началась, рабочих было мало, и никто ничего не знал.

Понурый, он побрел назад к поджидавшему его таксисту. Ничего не спрашивая, таксист включил зажигание и повернул в сторону города.

– Не горюй, парень! – пытался успокоить его таксист. – Найдется твоя красотка, чай не на Марсе живем! Ну а если не найдется, значит – не судьба. А если не судьба, то и радоваться надо, что так все случилось. Жизнь она штука такая, знает, куда тебя ведет!

Пашка молчал. Может, прав таксист? Не судьба... Но разве не он сам хозяин своей судьбы? Следуя логике таксиста, можно сложить руки и ничего не делать. Как говорят моряки – ждать у моря погоды. А можно не сдаваться и искать. Ведь двадцатый век на дворе – неужели невозможно найти человека? В конце концов, он знает ее имя, профессию. Можно объехать все рестораны в городе и попытаться найти хоть какую-то зацепку. Наверное, он так бы и поступил, если бы не скорый уход в море. У него просто не оставалось времени.

На корабле Пашка загрустил. Парни каждый вечер сходили на берег и пускались «во все тяжкие». Вместо «Камчатки» теперь был «Вулкан», там тоже морякам было где разгуляться. Знакомились с девушками, танцевали танго под сипловатое живое пение тогда еще никому не известного Шуфутинского. Под утро возвращались на корабль, а днем, хорошенько выпавшись, бурно обсуждали прошедший вечер и предвкушали события грядущей ночи. Пашка не принимал участие ни в вечерних походах, ни в их обсуждении. Приятели пытались его растормошить, но он не поддавался на уговоры. Ему это было неинтересно. Его захватило глубокое, томящее душу одиночество. Теперь это называют депрессией. А тогда... Тогда это была просто тоска. Тоска по несбывшейся мечте, по девушке, которую, как ему казалось, он полюбил по настоящему. Тоска по той, которой он хотел писать стихи. Только ей одной.

Где б ни бывал я,
Где я впредь ни буду,
Куда угодно занести судьбе:
Из Африки, с Камчатки – отовсюду
Всегда вернусь к единственной – к тебе.
И ничего не значат расстоянья,
Чтоб ни случилось, я приду домой.
И вновь скажу тебе при расставании:
«Я – твой корабль, ты – порт приписки мой!»
А если переселят злые ветры,
И встать уже не хватит в мышцах сил,
Тебя я позову сквозь километры —
Я сам себя к тебе приговорил!

Жизнь потихоньку входила в обычное русло. Образ Танечки с каждым днем таял все больше, пока, наконец, не исчез совсем. Пашка ходил в моря, зарабатывал как мог, стоял на дополнительной вахте. За границей покупал недорогой дефицит, привозил домой и продавал, лишь бы побыстрее рассчитаться с долгом. Деньги за шубу вычитали с каждой зарплаты, оставляя ему только на сигареты и самое необходимое – тридцать пять рублей. Купить ни себе, ни родственникам он ничего не мог. Терпел. Иногда его обуревала злость на себя и обида на Танечку. Он, дурак, отдал такие деньги за шубу для нее, а она просто взяла и исчезла из его жизни! Почему она даже не попыталась его найти? Две тысячи семьсот тридцать два рубля и сорок семь копеек... Сколько можно было купить всего и себе, и родителям, и племянникам! Но нет, потратить такие бешеные деньги на какую-то девчонку, которая, наверняка, его уже и не помнит! В такие моменты Пашка чувствовал, как его начинала душить за горло мерзкая, противная жаба. Он прогонял ее, но она возвращалась, снова душила и при этом злобно хохотала. Две тысячи семьсот тридцать два рубля... Какое глупое легкомыслие с его стороны! Он

снова ругал себя, ругал Танечку. И все же, когда после ремонта гостиницы «Восток», ресторан снова открылся, Пашка пошел туда в надежде, что Танечка вернулась. В ресторане работали совершенно новые люди, и про Татьяну никто ничего не знал. Это была последняя попытка. И Пашка смирился. Как сказал таксист, если не судьба, то надо радоваться, что так все случилось. Жизнь – штука такая, знает, куда тебя ведет.

Постепенно обида на Танечку стала проходить, душу отпустило. Одно было плохо – Пашка совершенно перестал писать стихи. Кому и зачем они нужны, если с той, для кого они были предназначены, они больше никогда не встретятся?

Прошло тридцать лет...

Павел Александрович с женой сошел с самолета в аэропорту города Петропавловска-Камчатского. Любимый город – как давно он здесь не был! Здесь прошла молодость, его лучшие годы. Здесь когда-то жила его девушка Татьяна, с которой он встретился только один раз, но о которой помнил всю жизнь. Он уже давно не залихватский моряк Пашка. Он – успешно практикующий юрист, и иначе как «Павел Александрович» никто к нему не обращается. Денег полно – было бы на что тратить! Те два долгих года, когда он получал зарплату в тридцать пять рублей и которых хватало только на сигареты, остались в далеком прошлом. Долго он расплачивался за свой нелепый поступок с покупкой шубы и за собственную глупость! С Татьяной больше никогда не встречался. Стихи не писал – не было желания. О том, что произошло тридцать лет назад, вспоминает с улыбкой. Но ведь бывших моряков не бывает! По ночам ему часто снится море – его бесконечная голубизна и седая пена волн. Море забыть невозможно. Но утром просыпается, а моря нет. Есть обычная суета – семья, работа. Нет, он работой доволен. И с семьей все в порядке – жена, дочь. Дочь выходит замуж, вот они с женой и прилетели на свадьбу. Завтра у него деловая встреча, а потом они с супругой пойдут знакомиться с родителями будущего мужа дочери.

Стоял сентябрь – самое лучшее время на Камчатке. Городские деревья нарядились в оранжево-красные рябиновые кружева. Было тепло, и даже непривычно жарко. Павел Александрович, закончив дела, вышел из здания Управления флота. Постоял на крыльце и, посмотрев на часы, бросил взгляд на соседнее здание. Гостиница «Восток». Мигом нахлынули воспоминания. А что, если... И уже не отдавая себе отчета, он пошел в сторону гостиницы. Ресторан «Камчатка» встретил его тишиной и приятной прохладой. В зале было пусто, и только где-то в дальнем углу слышались голоса. Павел Александрович присел за ближайший столик и огляделся. Как все изменилось! Интимный интерьер, мягкие уютные кресла, столики из настоящего дерева, покрытые белоснежными скатертями, красивая дорогая посуда – совсем не то, что было когда-то! Он заглянул в меню. Какие изысканные блюда! Названия некоторых он даже не знал. Но захотелось чего-то совсем другого – простого, из той, прошлой жизни. Подошел официант, поздоровался.

– Что будете заказывать?

– Оливье имеется?

Официант посмотрел на него с удивлением.

– Оливье? Не знаю, надо уточнить. Давно никто не заказывал. У нас есть более интересные салаты, не желаете взглянуть?

– Благодарю, но мне бы хотелось оливье, если можно, окрошку и бутылочку пива, местного, Камчатского. Хотя нет, отмените пиво, принесите-ка лучше «Малкинской» – соскучился! И чашку кофе, но попозже.

Официант записал заказ и исчез выяснять про оливье.

– Уважаемый! – услышал Павел Александрович сзади.

Обернулся. На него смотрел пожилой мужчина в форменной одежде. Вид солидный, как у генерала. Но явно не генерал – швейцар.

– Чем могу помочь? – спросил Павел Александрович вежливо.
– Огоньку не уважите старому моряку? Народ теперь пошел сплошь некурящий!
– Отчего же не уважить? – Павел Александрович вытащил зажигалку и, щелкнув по ней дважды, протянул швейцару. – Для старого моряка не жалко, сам такой – полжизни морю отдал.

– Ой, не свисти, милоч! – махнул рукой старик. – Все вы одним маслом мазаны. Море нынче только с берега видите, а качку в ресторане, как надеретесь до умопомрачения.

Павел Александрович обиделся.

– С чего вы взяли? Я много лет в моря ходил. Где только не побывал!

– Эй, Никитична, – старик обернулся к женщинам, сидевшим в углу за столиком, – слышь, что говорит бравый молодец? Он, вишь ли, тоже старый моряк! А я-то старых моряков кроме себя, да Игнатия твоего знать не знаю.

– Остынь, Степаныч, – раздался голос подоспевшей из дальнего конца зала Никитичны, – не приставай к людям. Иди давай на место. Вы уж простите его, старого. Списали его по здоровью еще в молодости, а он все море забыть не может.

– Так вы давно здесь? – спросил Павел Александрович.

– Так всю жизнь, считай! – гордо ударил себя в грудь кулаком старик.

– Может помните такую – Татьяну? Работала здесь официанткой, давно еще.

– Таньку, что-ли? – крикнул старый моряк. – Да кто ж ее не помнит? Хорошая баба была.

– Почему была? – Павел Александрович почувствовал, как внутри у него все похолодело. – С ней что-то случилось?

– Да что с ней случится-то, с Танькой! Жива-здоровая. Из официанток ушла давно, кассиршей работала, бухгалтером. Потом в институт поступила, замуж вышла за военного, детей ему нарожала, внуки уже у нее.

– Так она здесь, в городе? – спросил Павел Александрович, в горле застрял ком от волнения.

– Не-е, уехала. Мужа перевели в Хабаровск, вот они и укатили.

– Давно?

– Да уж с десяток лет прошло. А тебе почем знать надо?

Старик подозрительно покосился на Павла Александровича.

– Да так, знакомы мы когда-то были. А потом потерялись. Думаю, дай поинтересуюсь, может кто знает.

Старик окинул Павла Александровича долгим изучающим взглядом, как бы решая – рассказать ему что-то сокровенное или нет. Потом присел рядом, на край стула и тихим загадочным голосом произнес:

– Коль знаком ты с ней, историю тебе интересную про нее расскажу, послушаешь?

Почувствовал дрожь в руках. Опустил руки вниз, под стол, чтобы старик не заметил.

– Отчего нет? Давай, отец, рассказывай.

– Так вот было это году в семьдесят первом, что ли. К Таньке нашей парень-моряк приходил. Из каждого плавания возвращался и сразу к ней! Ох, и ждала она его! Так вот тот парень – настоящий моряк был. Он Таньке с каждого плавания подарки привозил.

Смущенный, совершенно запутавшийся Павел Александрович, слушал и не верил. Значит, он не один такой был у Татьяны! Танечка, милая и красивая девушка, так запросто обвела его вокруг пальца! Он тут же вспомнил шубу за две тысячи семьсот тридцать два рубля, и как горбатился два года, чтобы отбить те деньги. Дурак. Идиот! Мерзкая, злобная жадная жаба мгновенно появилась из ниоткуда и вцепилась ему в горло, начала душить. Что ж, поделом ему! Рванул ворот рубашки, глотнул воздуха.

– А вы его знали, парня того? – выдавил Павел Александрович сиплым голосом, с трудом сдерживая волнение.

– А то! – браво продолжал швейцар. – Мы с ним выпивали не раз у меня в гардеробной. Классный парень был! А еще он знаешь, чего сотворил?

Старик нагнулся близко к Павлу Александровичу и тихим голосом, наверное для пушей важности, чтоб никто не услышал, хотя в ресторане и так никого не было, продолжил:

– Он подарил ей шубу! Настоящую, из каракуля! Задарма подарил, даже не переспамши ни разу! Вот скажи после этого, что он не настоящий моряк!

Павел Александрович почувствовал, как в руке у него задрожал стакан с минералкой. Голова закружилась, перед глазами все поплыло. Старик продолжал свой рассказ, не обращая внимания на Павла Александровича.

– Так вот морячок тот, Пашкой его, кажись, звали, не только шубу, он ей и колечки разные таскал, и шмотки. Танька как королева при нем ходила. Да вот только сгинул он потом... Совсем сгинул.

Это как... сгинул? – пробормотал Павел Александрович.

– Вот так и сгинул. Шубку прислал и сгинул после того. Танька в этой шубке каждый день ходила встречать пароходы. Но только не было его. Погиб.

– С чего вы взяли, что погиб? – осторожно спросил Павел Александрович.

– А как же еще? – удивился старик. – Не мог такой человек Таньку бросить! Долго она ждала его. Гулять с другими парнями отказывалась, а ведь звали! Флиртовать перестала, глазки строить посетителям, всем говорила – жениха ждет. А когда поняла, что не дожидется, горевала очень – ведь сгинул парень! Вот это был моряк, понимаешь? Да чего мы тут сидим, воду льем? Пойдем к нам за столик, у Никитичной третий внук родился, отпразднуем!

Павел Александрович поднялся и пошел следом за пожилым швейцаром, туда, в угол зала, где праздновали рождение третьего внука Никитичны. Кроме старика-швейцара он не знал никого в той компании, но ему хотелось прикоснуться, быть рядом с теми людьми, которые знали его Татьяну, которые были частью его молодости, частью навсегда ушедших лет его жизни и одного из самых лучших воспоминаний. Заказав вина и закусок, он сел к ним за стол. Ему хотелось быть среди них – тех, которые знали ту часть его прошлой жизни. Которые сложили о нем легенду. И пусть та легенда обросла несуществующими сказочными подробностями вроде бриллиантов и других подарков, которые он не дарил – это неважно. Главное, эти люди, как и сама Татьяна, верили в него, молодого моряка. Им даже в голову не пришло, что он мог просто не вернуться! Погиб, сгинул, а как же еще?

Он пил с ними, закусывал, слушал их истории, рассказывал свои. Он окунулся в свою молодость, в свои двадцать пять, и был непомерно счастлив. То и дело оборачивался к стойке. Казалось, сейчас выйдет оттуда Таня. Какая она стала? Узнал бы он ее или нет? Он представлял, как она приходит к берегу моря в новой шубке встречать пароходы. Она не знала ни названия судна, ни его фамилии. Только имя. Приходила на берег каждый день. Ждала. Не дождалась. Подумала, случилось несчастье. У моряков такое бывает...

Поздно вечером, опьяневший от впечатлений и воспоминаний, Павел Александрович вышел из ресторана «Камчатка», все еще слегка потерянный от случившегося, но улыбающийся и счастливый. Он не стал говорить старикам, что легендарный моряк Пашка и есть он – Павел Александрович. Все равно бы не поверили. Пусть он останется легендой для них и для Танечки, самого приятного воспоминания его молодости. Когда он вернется домой, он снова сядет за стол и напишет стихи. Он не писал их тридцать долгих лет. А сейчас остро почувствовал – нужно! Он напишет новые стихи, и посвятит их всем морякам и Танечке – девушке, которая ждала. И он вдруг понял, что легенда – не он. Легенда – та самая девушка, которая ждала его долгие годы. Именно такие девушки нужны настоящим морякам: которые умеют любить и умеют ждать. И тогда он впервые по-настоящему понял, что, потратив сумасшедшие деньги на шубу, он поступил правильно. Впервые ему стало совсем не жалко тех денег. Злая жаба, мно-

голетняя, противная, душившая его за горло долгие годы, вдруг отпустила. Исчезла. Совсем. Навсегда! И если можно было бы повернуть время вспять, он поступил бы точно так же.

Две тысячи триста семьдесят два рубля и сорок семь копеек. И десятка за доставку. И армянский коньяк. И четвертак таксисту...

Он ушел от них совершенно другим человеком. Ведь о нем на Камчатке рассказывают легенды. И он должен им соответствовать!

Александр Лельчук Ностальгия

По заснеженной Камчатке
Проложить бы санный путь.
К черту шарф! Долой перчатки!
Снег и ветер – прямо в грудь!

Мне б умыться колким снегом,
Мне б сосульку языком,
Рассмеяться громким смехом,
И по снегу – босиком!

В эту песенную лунность
(Уж за лирику прости)
Взять бы снова нашу юность,
Как ребенка пронести!

Снова ночь снежит немножко,
Вновь пургу грозит начать.
Мне б опять в твое окошко,
Как когда-то, постучать.

Снова будет вечер синий,
Мы пьяны не от вина,
В волосах белеет иней,
Или это седина?

Все вранье, что время старит!
На дворе метель рычит.
А в окно какой-то парень
К нашей дочери стучит...

Рыбацкая удача

И в день, и в ночь, и в слякоть и туман
На поиски серебряного клада
Выводит сейнер в море капитан
И трудится рыбацкая бригада.

Где волны лижут руки жгучим льдом,
Все силы забирая без остатка,
С упорством, спором, боем и трудом
Дается нам сварливая Камчатка.

Не говоря речей и громких фраз,
На палубе, как строгий командир,
Одно лишь слово – веско, как приказ,
И вновь кунгас подводит бригадир.

Им нелегко бывает всякий раз,
Когда рубаха липкая от пота.
То, что геройством кажется для нас,
Для них – обыкновенная работа.

Их труд почетен, тяжек и суров.
Для трусости не ищут здесь причины.
Из года в год готовятся на лов
Простые, настоящие мужчины.

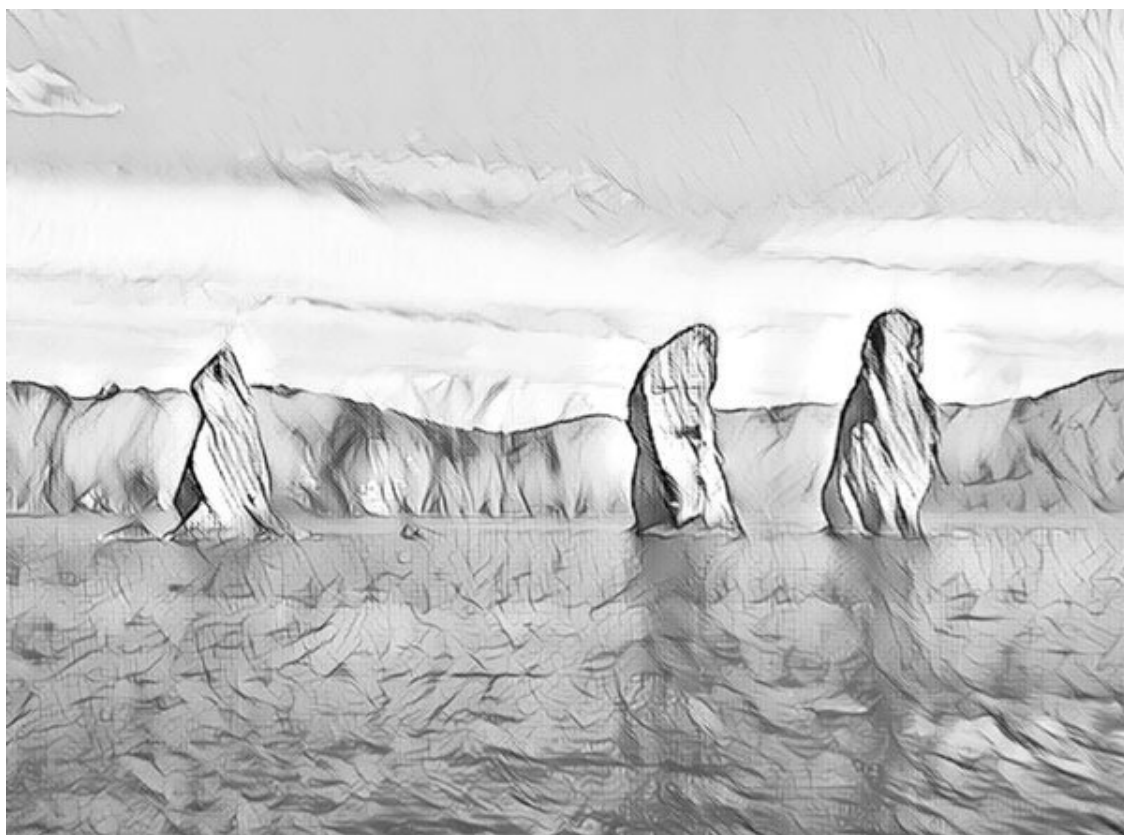
Поклон рукам, несущим в мир добро,
О тяжести труда сего не плача...
Течет в кунгас живое серебро —
Нелегкая рыбацкая удача!

Письмо в район промысла

Эй, морские дьяволы в зюйдвестках!
Что же вас не радует апрель?
Может, загрузили о невестах,
Что живут за тридевять земель?
Иль не все в порядке в царстве флотском?
Стало грустно без гитарных струн?
Или в неприветливом Кроноцком
Стал совсем прижимистым Нептун?

Тяжела рыбацкая удача,
И циклон некстати нанесло,
Очевидно, вам нельзя иначе —
Находить попроще ремесло.

Так издревле повелось на флоте
Выбирать нелегкие пути.
Где-то через месяц вы придете,
Чтобы через сутки вновь уйти.

Жанна Лельчук

Стюардесса по имени Жанна

Самолет парил в небе. Парил медленно, выписывая плавные круги, и никто не догадывался о том, что это был его последний полет. Глядя снизу, можно было подумать, что это чайка кружит в воздухе, красиво и легко опускаясь на землю.

Говорят, что когда самолет попадает в плоский штопор, спасения нет. Это удивительная картина, завораживающая и ужасающая – последний танец перед смертью.

Пассажиры сидели тихо. Никто не кричал, не бегал, не рыдал в голос. Они не понимали, что происходит. Самолет кружился так плавно и красиво, что казалось, так и надо. Люди вглядывались в растерянные лица друг друга и ничего не понимали. Стюардесса знала. Она поняла все сразу, еще до того как получила сообщение из кабины пилотов об аварийной ситуации. Пройдя между рядов своего салона, она убедилась, что все пассажиры пристегнуты, и шторки у окошек открыты. Так положено. Положено, чтобы видеть, что происходит за бортом, чтобы видеть свою смерть...

Что-то было не так. Чем быстрее кружился самолет, приближаясь к земле, тем больше пассажиры начинали понимать, что что-то не так. Стюардесса еще раз прошла мимо рядов, пытаясь успокоить людей. Говорила ровным голосом, с улыбкой на лице: «Все будет хорошо, необходима экстренная посадка, летчики выводят самолет из аварийной ситуации». Все будет хорошо... Будет ли?

Земля стремительно приближалась. Вдруг не выдержал мужчина, сидевший в проходе в середине салона. Отстегнув ремень, он резко вскочил с места и оглядел пассажиров бешеными глазами. На лбу выступили капли пота, он тяжело дышал.

– Вы что, ничего не понимаете?! Мы же падаем! Па-да-ем!!! Это конец! Через несколько минут мы все разобьемся!

Стюардесса кинулась к мужчине. Попыталась успокоить его, вернуть на место. Но мужчина, резко оттолкнув ее, бросился к кабине пилотов и забарабанил в дверь.

– Вы что там, мать вашу!!! Охренели совсем?! Сделайте же что-нибудь!!!

Паника – страшная вещь. Люди теряют контроль над собой и становятся неуправляемыми. Паника в толпе – вдвойне страшнее. Тысячи, миллионы людей пали жертвами толпы за многолетнюю историю человечества. Они давили, душили, толкали, топтали друг друга, не отдавая отчета своим действиям, пытаясь спастись от бешеного натиска, но так и не сумев из него выбраться. Из самолета выбраться невозможно – некуда. Паника в замкнутом пространстве.

Звонящая тишина салона вдруг взорвалась криками, грохотом, громким плачем. Люди заметались по салону, толкая и отшвыривая друг друга, пытаясь найти выход, которого не было. Лишь немногие остались сидеть в своих креслах. Одни из них тихо молились, закрыв глаза, другие плакали, третьи тупо смотрели в одну точку. Еще одна попытка успокоить и усадить пассажиров на места не увенчалась успехом. Получив сильный толчок в спину, стюардесса отступила. Все смешалось – бегающие люди, крики, стремительно приближающаяся земля. Она тихонько дошла до своего места в самом конце самолета, села, пристегнулась, закрыла глаза и стала ждать. Последнее, что она увидела, на секунду открыв глаза и глянув в окно – большое зеленое поле. На нем ромашки. Совсем близко. И больше ничего...

* * *

Жанна всегда любила летать. Еще в детстве она мечтала стать стюардессой. Ее приводили в восхищение грациозные красивые девушки в форме на борту самолета, и она часто представляла себя одной из них. Особенно ей нравились взлеты. Ей казалось, что это у нее вырастали крылья, и она сама взлетала в небо, а не самолет уносил ее. «Наверное, я когда-то была птицей... – думала она, – Интересно, какой? Ласточкой или чайкой? А может быть, синицей?» Услышав однажды по радио песню о стюардессе по имени Жанна, она подумала, что сама судьба так распорядилась – песня была о ней. О ком же еще?

Школу закончила на "отлично". Ей пророчили блестящую карьеру, но она твердо заявила – буду стюардессой, хочу летать. И подала заявление на курсы. И вот она, красивая и грациозная, идет на свой первый полет – стюардесса по имени Жанна. Совсем как в той песне.

Первый полет совпал с крахом всех ее ожиданий. Для страны наступило время перемен. Начали свой отчет холодные и голодные девятые годы. Полки в магазинах опустели, в домах не было электричества и тепла. И если с голодом Жанна могла бороться, то на отсутствие тепла сил не оставалось. Холод проникал во все клетки ее тела и замораживал душу, отбирая способность чувствовать и мыслить. Согреться было негде: на улице минус двадцать, в доме плюс десять. Приходилось надевать теплую куртку, варежки и теплые валенки, оставшиеся от бабушки и годами собиравшие пыль в кладовке. Так она проводила вечера, сидя одиноко в кресле, укутавшись в одеяло и молча глядя на едва дрожащее пламя свечи. Не было сил даже читать, мозг стыл от холода, и не хотелось вытаскивать из рукавичек руку, чтобы перевернуть страницу. Не работало ни телевидение, ни радио. Жизнь как будто вернулась в начало столетия – без электричества и современных технологий. Иногда звонил телефон, единственное напоминание о том, что все-таки на дворе стоял двадцатый век. Было непонятно и удивительно, как могло сохраниться это чудо техники, когда все остальное, казалось, исчезло навсегда.

Сегодня все было как обычно. Жанна вернулась домой, облачилась в теплые одежды, замоталась в одеяло. Не успела погрузиться в кресло, как раздался телефонный звонок.

Звонил Максим. Голос был раздраженный. Знать бы заранее, что это он, ни за что не сняла бы трубку!

– Привет. Что делаешь?

– Ничего. Сажу...

– Кто у тебя?

– Никого. Я только пришла с работы.

– Ох, не ври мне! Я знаю, у тебя кто-то есть. Почему обманываешь? Быстро признавайся!

– Я сейчас повешу трубку.

– Я сейчас приду.

– Не надо. Я устала. Уже поздно, пойду спать.

– Спать? Интересно, с кем ты собираешься спать?

– Ни с кем. Одна.

– А что так?

– Макс, отстань. Надоело. Я же сказала – я устала. Сегодня был трудный полет. Хочу отдохнуть.

– Завтра отдохнешь. У тебя ведь завтра выходной? Я сейчас приду. Заодно проверю, с кем ты там.

– Приходи, коли так.

Жанна вздохнула. Максим был ее счастьем и несчастьем. Когда-то они вместе ходили в школу, дружили, тайком сбежали из дома по вечерам и бродили по улицам. Говорят, первая любовь не забывается. Это если вовремя поставить точку. Точку надо было поставить дав-

ным-давно, в тот момент, когда они закончили школу. Поставить точку и расстаться. Уже тогда оба почувствовали, что отношения поостыли. Но была сила привычки. И эта сила удерживала от разрыва. Потом Максим изменился. Потому что изменилась Жанна. Из незаметной и угловатой школьницы она превратилась в тонкую и привлекательную девушку. Другие парни стали обращать на нее внимание, что приводило Максима в ярость. Он стал раздражительным и ревнивым. Наложил на нее «вето» – моя, и только моя! Она терпела. Ей было жалко Макса. Она понимала, что это уже не любовь. Но другой любви не было, и ей было все равно. По крайней мере, Максим свой, уже почти родной – столько лет вместе! И потом, о какой любви сейчас можно говорить, когда нужно думать о том, как выжить – без денег, без продуктов, без тепла?

Комната вдруг вспыхнула, озарилась ярким светом. Дали электричество. Сбросив на пол одеяло, Жанна сползла с кресла и поспешила на кухню. Через час свет снова отключат. Его дают два раза в сутки по часу – час утром, час вечером. Надо успеть. Первым делом бросилась к чайнику – горячий чай! Включила чайник. Быстро набросав в кастрюльку рис, поставила на плиту вариться. Достала консервную банку с камбалой из старых запасов. Ужины последнее время не отличались разнообразием: один день рис с камбалой, другой – макароны с сайрой. Можно было менять: рис с сайрой, макароны с камбалой. И то, и другое опротивели до невозможности в любом сочетании. Но совсем не есть тоже нельзя. На балконе запасы: мешок с рисом и ящик с консервами. Макароны все еще можно было купить в магазине свободно. Сахар по талонам – кило на месяц. Ей хватало. Она не любила сладкий чай. Больше скучала по любимым шоколадным конфетам.

Снова зазвонил телефон. Жанна устало вздохнула. Ужасно не хотелось выяснять отношения. Но ответить придется – не отстанет.

– Ну, что тебе? Я же сказала, если не веришь...

– Ты о чем, Жанчик? – услышала женский голос.

Это был вовсе не Максим. Звонила Светка, подруга и коллега по работе. Они работали вместе, но в разные смены. Светка уже давно летала на международных рейсах, а у Жанны все еще не было допуска. Она плохо знала английский.

– Жанчик, ты сейчас сойдешь с ума от счастья! – прокричала Светка в трубку.

– Ты уверена? – Жанна кисло усмехнулась. – Хотела бы я знать, есть ли такое чудо на свете, которое бы сделало меня вмиг счастливой.

– Есть! Ты завтра летишь в штаты!

– Куда?!

– В Лос-Анжелес!

– Светик, успокойся, выпей валерьянки и ложись спать. Я завтра никуда не лечу. У меня выходной.

– В том-то и дело, что нет! Это мой рейс, но меня вызывают в суд по повестке. Ну, помнишь, по делу Аграновича, за рэкет?

Я у них главный свидетель, отвертеться не удалось. А в замену предложили тебя.

– Да кто ж меня возьмет? У меня и допуска-то нет на международку.

– Уже взяли, уже есть! – торжественно объявила подруга. – Больше было некого. У Антонины заболел ребенок, Галка в отпуске. Я предложила тебя, они согласились. Уже все оформили.

– Я же не говорю по-английски! Только-только начала уроки брать.

– Ерунда, там Тамарка будет, она поможет.

– Но у меня же завтра... выходной, – от растерянности Жанна не знала, что говорить.

– Ну и дура ты, Жанка! Какой, к черту, выходной? Ты же в Америку летишь, в А-ме-ри-ку! А кто у нас мечтал о загранке? Вот он, твой шанс!

– А откуда вдруг взялся Лос-Анжелес? Мы же не летаем в Калифорнию, только в Анкоридж, Камчатка – Аляска!

– Чартер. Богатенькие бизнесмены и туристы. Давай, подруга, иди, ложись спать. Тебе надо выспаться. Завтра приезжай пораньше, там бумаги кое-какие надо доделать.

Жанна растерянно положила трубку. Молча уставилась на телефон, все еще не веря в реальность происходящего. Громкий стук в дверь вывел ее из забытья. В дом ворвался Максим. Не раздеваясь, как был, в грязной обуви, бросился на кухню. Рванул балконную дверь.

– Где он? Где ты его прячешь?

– Кого? – Жанна бросила на него удивленный взгляд.

Максим был взбешен. Его лицо исказилось до неузнаваемости. Он кинулся рыскать по комнатам.

– Где он? Я слышал, как ты с ним говорила!

– Я разговаривала по телефону.

– Не ври!

– Я не вру. Успокойся, пожалуйста, и приведи себя в порядок. Посмотри, на кого ты похож!

– Не ври, не ври, стерва! Я убью всех твоих ухажеров, я убью тебя, я убью себя!

Его глаза сверкали хищным нездоровым блеском. Жанна отшатнулась.

– Ты пьян. Иди домой и проспись. Поговорим завтра.

– Не уйду, пока не скажешь, с кем говорила.

Он грозно наступал. Приблизившись совсем близко, он вдруг схватил руками ее за шею и сильно сдавил. Почувствовав, что задыхается, Жанна попыталась вырваться.

– Отпусти... – прохрипела она.

– Скажешь, с кем болтала?

– Света... сейчас звонила. Меня... меня поставили завтра в график... вместо нее.

Руки на шее ослабли.

– Быстро говори ее номер!

Жанна назвала номер. Одним прыжком, как дикая пантера, Макс оказался у телефона. А уже через минуту он ползал перед Жанной на коленях, размазывая по лицу пьяные слезы и заглядывая ей в глаза.

– Жанночка, миленькая, золотая, прости меня, идиота! Не знаю, что на меня нашло. Я так испугался... Я страшно боюсь тебя потерять! Ты ведь всегда будешь со мной, правда? Ты ведь не бросишь меня? Мы с тобой поженимся и...

От слова «поженимся» Жанна вздрогнула. С ужасом представила себе такую картину «счастья» каждый день – от дикой ярости до слез унижения. Он продолжал ползать на коленях и целовать ее руки. Она опустилась в кресло и тихо попросила:

– Макс, давай увидимся через два дня, когда я вернусь. Мне действительно завтра в полет, я хочу отдохнуть.

Он прижался к ней, ласкаясь об ноги, как кошка.

– Моя крошечка Жанночка не обманывает меня? Я буду ждать. Я приду послезавтра. Приду с цветами. И мы поженимся. Хорошо?

Она ничего не ответила, только тихо вздохнула.

* * *

Осколки самолета разлетелись на расстоянии почти в километр. Люди в спасательной форме бродили по выжженному полю в поисках чуда – оставшихся в живых. Живых не было. Поле оцепили, отодвинув сочувствующих и любопытных. Зрелище было не для слабонервных. Отказали даже родственникам: мол, потом вас вызовут на опознание.

На следующий день в газете появилась заметка об авиакатастрофе российского лайнера, летевшего в Лос-Анжелес. О причинах катастрофы газета умалчивала, отметив лишь «слож-

ные погодные условия» во время полета. Было сказано, что найденные черные ящики доставлены в Москву, где специально созданная комиссия начнет свое расследование немедленно. В конце заметки сообщалось о том, что все пассажиры рейса погибли. Однако не исключено, что по-крайне мере одному пассажиру удалось выжить – девушка, находившаяся в хвостовой части самолета, доставлена в больницу в критическом состоянии. Каким-то чудом хвост оторвало и отбросило в сторону, и он не пострадал от взрыва. По предварительным данным, девушка могла быть стюардессой. В настоящее время находится в коме.

* * *

- Алекс, милый, я уехала!
- Хорошо, дорогая! Не задерживайся сегодня, хорошо?
- Конечно, буду вовремя.

Чмокнув мужа в щеку, Дженни выскочила из дома, села в машину и полетела по скоростной трассе. До работы всего двадцать минут, но это если без пробок. Похоже, сегодня хороший день, дороги почти свободны и пробок нет. Если и дальше все пойдет так удачно, она успеет обернуться за два-три часа – заберет сына из школы, и они вместе пойдут гулять на берег океана.

Было теплое весеннее утро. Днем будет жарко. Жара не пугала Дженни. Вот уже почти десять лет она живет среди зеленых пальм и яркого солнца. Она привыкла к жаре и никогда не пряталась от солнца. Она купалась в его лучах, и ей казалось, что нет в жизни счастья без солнечного света и тепла. Она вообще считала себя очень счастливой. У них шикарный дом с огромным красивым садом и бассейном, совсем недалеко от океана. Ее Алекс – самый замечательный муж на свете, а Дэнни – самый лучший сынишка. И скоро, совсем скоро, уже меньше чем через полгода у них появится крошечная дочурка. Они уже даже имя придумали – Кристина. Дженни влетела в офис. Секретарша поднялась ей навстречу.

– Мисс Дженни, осторожно, пожалуйста! Опять вы бегаєте как девчонка, поберегите себя, мало ли что... в вашем-то положении.

– Ничего, Мари, не беспокойся. Я прекрасно себя чувствую. Готова не только бегать, но и летать от счастья – завтра нашему Дэнни исполняется семь лет!

– Ну надо же, как время летит! Неужели и впрямь семь? – удивилась Мари.

Дженни счастливо рассмеялась. Она развела руки в стороны, как крылья, и закружилась вокруг стола. Но вдруг остановилась, в удивлении положила руку на живот и прислушалась.

– Что? – в волнении произнесла секретарша. – Я же говорила, надо осторожнее!

– Да нет, – Дженни снова рассмеялась, – просто моя дочурка тоже решила потанцевать. Ну ладно, как у нас там сегодня, много работы?

– Минуточку, – Мари быстро подняла со стола небольшую стопку бумаг, – вот здесь: контракт с фирмой «Русь», две статьи для научных журналов и один отчет по заказу частного лица.

– Что за лицо?

– Минуточку. Так, сейчас, – секретарша заглянула в календарь, – Роберт Фишер, компания «Fisher & Sons».

– Сроки?

– Три дня на контракт и статьи, двадцать четыре часа на отчет.

– Отлично, с него и начнем. Давай материалы.

– Тут всего-то две страницы.

Мари протянула Дженни бумаги, и та исчезла у себя в кабинете.

– Будут звонить, меня нет. Кроме мужа и сына, конечно. Всем остальным говори, что буду после полудня.

Дженни уселась за компьютер. Быстро просканировала текст. Отключила программу перевода и взяла словарь. Дженни была одной из лучших переводчиц. И как хороший специалист, она не любила пользоваться электронными переводчиками. Электронными программами пользуются только неумехи, а она – профессионал в своем деле. Она полагается на ум и интуицию. У компьютера может быть электронный ум, но нет интуиции. И если у одного слова есть два или три значения, то компьютер обязательно выберет не то, что нужно. Потому что не умеет чувствовать, потому что нет интуиции.

Дженни углубилась в текст. Улыбка сошла с лица при чтении первых же строк.

«...расшифровка черных ящиков разбившегося в воскресенье самолета подтвердила основную версию комиссии по расследованию: причиной катастрофы стала техническая неисправность. Расследование показало: вины экипажа нет, их действия найдены безукоризненными, несмотря на усталость и сложные метеоусловия. Исследования систем блока управления выявило основную проблему. Версия неисправности системы водоснабжения, вследствие чего очистительная жидкость просочилась и залила систему автоматического управления, подтвердилась. Ввиду того, что подобная оплошность не могла произойти в ходе предполетного обслуживания самолета из-за простоты и стандартности процедуры, комиссия пришла к выводу, что имела место спланированная диверсия с возможным подкупом технического персонала. Материалы расследования будут переданы в прокуратуру в ближайшее время...»

Лицо Дженни мрачнело больше и больше. Она читала и не верила своим глазам. Как переводчик, она не имела права на проявление никаких эмоций. В данном случае перед ней стояла чисто техническая задача – перевод документа. Только «голый» текст. Но здесь... Она не могла не отреагировать. Подкуп? Погубить такое количество людей ради денег? Это не укладывалось в голове. Отложив первую страницу в сторону, взяла вторую. Вторая страница с заключением комиссии по расследованию той же авиакатастрофы была датирована тремя месяцами позже. Дженни быстро пробежалась глазами по бумаге. Не удержавшись от волнения, сжала виски пальцами. Почувствовала, как в голове запульсировала кровь.

«...председатель комиссии по расследованию причин авиакатастрофы заявил, что трагедия произошла в результате сложных метеоусловий и ошибочных действий экипажа, а именно – непреднамеренного вывода самолета на большие углы атаки, что привело к "сваливанию самолета и переходу его в штопор с последующим столкновением с землей". Таким образом, причиной катастрофы опять стал "человеческий фактор". В настоящий момент до конца не установлены причины неадекватного поведения экипажа самолета, это является следующей задачей работы комиссии по расследованию причин трагедии».

Дженни отбросила бумагу на стол. От резкого движения тонкий листок проскользнул по поверхности стола и плавно опустился на пол. Дженни встала, подошла к окну. В задумчивости застучала пальцами по стеклу. Надо отвлечься. Она слишком возбуждена предстоящим днем рождения Дэнни, не может сконцентрироваться на переводе, собрать мысли. Надо сосредоточиться и прочитать эти бумаги еще раз.

Дженни вернулась к столу, подняла с пола улетевший листок и снова углубилась в чтение. И снова не поверила своим глазам. Буквально несколько минут назад она читала заключение комиссии о том, что самолет разбился из-за технической неисправности – повреждений в системе автоматического управления, намеренно вызванными предполетным обслуживанием. Три месяца спустя комиссия меняет мнение. Почему? Дженни еще раз быстро просмотрела последнюю страницу. Ни слова о том, что было как минимум еще одно, совсем другое заключение комиссии. Дженни вдруг заметила, что имена трех членов комиссии совпадали в обоих документах, но фамилия председателя комиссии во втором документе была другая. Она быстро нашла фамилию в первом отчете: И. Н. Добровольский. Задумалась. Если некто Добровольский был назначен председателем комиссии, наверняка он был весомой фигурой в авиации. Почему же его нет во второй комиссии? Неожиданно Дженни осенило – нужно проверить

данные в Интернете! Она вошла в систему поиска и напечатала: И. Н. Добровольский. Компьютер выбросил целый ряд вариантов. Зрительно просканировав результаты, Дженни отобрала три. Уже на втором она получила то, что искала: Иван Николаевич Добровольский, заместитель министра авиации. Перечислялись все заслуги известного авиатора. Последняя строчка – уволен в связи уходом на пенсию. Ничего особенного. Однако странным показалось то, что на пенсию Иван Николаевич ушел в расцвете сил. Дженни посмотрела на дату и вдруг все поняла. Добровольский не ушел на пенсию, его «ушли» на пенсию! И случилось это ровно через месяц после заключения первой комиссии. Скорее всего, кому-то нужно было подменить результаты расследования, а упрямый Добровольский отказался подтасовать факты и оттого пострадал – ушел на «заслуженный» отдых.

Что ж, с переводом все ясно. И с самолетом тоже. Его элементарно разбили. Неясно было только одно: кто и зачем мог совершить такую чудовищную акцию? Дженни вздохнула. Впрочем, какая теперь разница? Самолета нет, люди погибли. И прошло уже столько лет. Но кому вдруг понадобилось ворошить прошлое? Да еще и переводить на английский? И так срочно – в двадцать четыре часа?

Она нажала на кнопку.

– Мари, кто предоставил отчет для перевода?

– Сейчас, мисс Дженни, одну минуточку, – секретарша зашелестела бумагами, – компания «Fisher & Sons».

– Я понимаю. А кто конкретно?

– Мистер Роберт Фишер-старший.

– Найдите мне его координаты, и, пожалуйста, побыстрее.

– Хорошо, мисс Дженни, сейчас найду и принесу.

Через минуту телефон и адрес лежали у Дженни на столе. Она набрала номер. Услышала немолодой голос, слабый и сиплый.

– Я слушаю.

– Мистер Фишер, с вами говорят из компании «RLS, Inc». Меня зовут Дженни. Я перевожу ваши документы...

– Что, уже готово? – нервно перебил голос.

– Почти. У меня возник ряд вопросов.

– Хорошо, я попробую ответить. Задавайте.

– Я бы хотела... – Дженни запнулась. – Я бы хотела побеседовать с вами лично, не по телефону. Это возможно?

Наступила пауза.

– Я болен... Мне трудно принимать посетителей. Скажите то, что вы хотели сказать, по телефону.

– Мистер Фишер, я умоляю вас. Пожалуйста, уделите мне всего пятнадцать минут. Дело в том, что в дополнение к переводу я нашла кое-какую информацию, которая может вас заинтересовать.

Наступила еще одна затянувшаяся пауза.

– Хорошо, приезжайте. Закончите перевод и привезите сами. Адрес у вас есть?

– Да, спасибо, мистер Фишер, я буду у вас через час.

Пальцы быстро застучали по клавиатуре. Всего-то две страницы. Но какие разные! Одна обвиняет обслуживающий персонал и предполагает возможность диверсии, другая перекладывает всю вину на погодные условия и действия экипажа. Первые наверняка еще живы, последние давно мертвы. По официально обнародованной версии никто ответственность за аварию не понес. Потому что те, кто живы – не виноваты, а те, кто виноваты – больше не живы. А если в действительности все наоборот? Неужели виновные могут жить со спокойной совестью

– есть, спать, радоваться жизни? Закончив, Дженни быстро положила листы в желтую бумажную папку и вылетела на улицу, только успев крикнуть секретарше:

– Мари, буду через два часа!

Сев в машину, Дженни нажала на газ и рванула с места.

* * *

Роберт Фишер в действительности оказался больным и глубоким стариком. Дженни дала бы ему лет девяносто, не меньше. Он с трудом передвигался в инвалидной коляске. Как будто угадав ее мысли, старик сказал:

– Да, я стар... Но я не столько стар, сколько болен. Мне осталось совсем немного. Неделя, день, час – никто не знает.

Он помолчал.

– Вы принесли перевод?

– Да.

– Покажите.

– Да-да, конечно. Только скажите мне, откуда у вас эти бумаги? И для чего они вам?

– А вам зачем это знать? Вам ведь платят за работу.

– Понимаете, мистер Фишер, не сочтите меня невеждой или чрезмерно любопытной, просто когда-то давно, еще в России, я знала одну девушку, которая разбилась на том самом самолете. Ее звали Жанна, она была стюардессой. Хотела летать на международных рейсах и брала у меня уроки английского. А потом попала на тот самолет и...

– Значит, вы тоже пострадали...

– Тоже? Почему «тоже»? Разве вы пострадали?

– Да. Тем рейсом летел мой сын, мой единственный сын...

Он тяжело вздохнул.

– Дайте, пожалуйста, воды.

Дженни подошла к столику, налила из графина в стакан воды, протянула старику. Сделав несколько глотков, он вернул стакан Дженни.

– Присядьте, пожалуйста. Похоже, что наш разговор затянется.

Дженни присела на кушетку напротив Фишера.

– Мои предки – отец, дед и прадед были потомственными предпринимателями. Мой прадед начинал когда-то с ручных швейных машинок. Потом пошла электрика, это уже мой дед и отец. А затем уже в наш с сыном век – электроника: телефоны, факсы, компьютеры, принтеры. Компьютерами уже занимался в основном мой сын Джеф. Он рвался в Россию. Ему почему-то казалось, что именно Россия – золотая жила. Тогда, в девяностых, русский рынок только начинал зарождаться, налаживался частный бизнес. Я был против, я боялся. Наслушался про КГБ, про нарушения прав человека, беззаконие, произвол местной полиции...

– ...милиции, – поправила Дженни, – тогда это там называлось «милицией».

– Как скажете... Долго я пытался отговорить сына. Но он не слушал меня. Я понимал, что все мои попытки напрасны, я просто пытался оттянуть время. А потом он встретил этого... Маркова.

Старик прервался. Дженни снова потянулась к графину с водой, но он жестом остановил ее.

– Кто такой Марков?

– Бизнесмен. Если его можно назвать таким приличным словом. Скорее бандит. Он пытался наладить продажу оргтехники. Мой сын искал выход на русский рынок, в то время как Марков искал выгодных поставщиков. Уж не знаю, как они вышли друг на друга... Марков убедил Джефа в необходимости создания совместного предприятия. Договорились о первых

поставках. Джеф поставлял компьютеры, Марков занимался вопросами реализации. Уже после первой партии стало ясно, что прибыль будет огромная. Компьютеры были новинкой в России, разлетались еще на бумаге, не успев дойти до пункта назначения. А на Дальнем Востоке они вообще только-только начали появляться. Мой сын, разгоряченный таким успехом, договорился с Марковым сразу о нескольких поставках. Суммы контрактов были миллионные. Вторую партию Джеф доставил в Россию сам. Точнее, прилетел проконтролировать ход дела. Но, посмотрев, как ведутся дела, он пришел в ужас. Все оформлялось незаконно, как это у вас называется – черный кэш?

– Черный нал, – встала Дженни.

– Вот-вот, именно, черный нал... Не платились налоги, составлялись какие-то поддельные бумаги. Одним словом, по нашим законам, как минимум десять лет тюрьмы. Я знаю, что Джеф тогда крепко повздорил с Марковым. Он заявил, что разрывает контракт и будет искать нового партнера. Когда я разговаривал с ним в один из последних дней, он сказал, что уже нашел новую компанию с хорошей репутацией. Он хотел привезти с собой ее владельца, они должны были лететь одним рейсом. Что было дальше, вы знаете. Они не долетели. Деньги за ту последнюю партию так и не вернулись, много денег...

– А какое отношение все это имеет к тем бумагам, которые я переводила?

– Дело в том, что у меня есть основания подозревать, что это была спланированная акция. Самолету, на котором летел мой сын, суждено было погибнуть.

– Это серьезное обвинение. Почему вы так думаете?

– Мой сын неоднократно упоминал в разговорах со мной, что Марков угрожал ему. Сначала тонко, намеками, потом грубо, открыто. Я страшно боялся за него, почему-то был уверен, что он уже не вернется домой. Когда он мне позвонил из аэропорта перед вылетом, я облегченно вздохнул – пронесло! Оказалось, рано. Я потерял сына... Единственного... Больше у меня ничего нет в этой жизни.

Фишер заплакал. Дженни подошла, присела перед ним на корточки, протянула платок. Она ничего не говорила. Просто сидела рядом и молча гладила его дрожащие морщинистые руки. Старик постепенно успокоился.

– И все же, – осторожно постаралась вернуть разговор в русло Дженни, – откуда у вас эти документы?

– Эти бумаги – ответ на вопрос, который мучил меня все последние годы: отчего погиб мой сын. В газете писали что-то про погодные условия. Я не поверил. До меня дошли слухи, что были какие-то неполадки в самолете, и что на самом деле были две комиссии по расследованию причин катастрофы. Я хотел докопаться до правды. У меня достаточно денег, но даже мне потребовались годы, чтобы раздобыть эти бумажки, спрятанные под грифом «секретно», за которыми стоит тайна гибели моего сына.

– Мистер Фишер, но ведь сына уже не вернуть, зачем вам все это? Разве вам станет легче, если вы узнаете, что вашего сына убили?

– Совсем недавно я узнал, что Марков живет в Америке, в Сан-Диего. Оказывается, он здесь уже очень давно. Это только усиливает мои подозрения. Я... я хочу посмотреть ему в глаза.

Дженни вздохнула. Снова наступило молчание. Взгляд Дженни упал на фотографию молодого мужчины, висевшую на стене.

– Это ваш сын? – тихо спросила она.

– Да, это мой Джеф. За год до смерти... Так дайте же мне посмотреть на перевод!

Голос старика снова задрожал. Дженни раскрыла папку. Потянула листы бумаги. Вот сейчас она отдаст отцу бумаги, в которых описана тайна смерти его сына, тот прочтает и... Трудно сказать, как он это переживет, если вообще переживет. Одно дело, когда сын погиб вместе со всеми в авиакатастрофе по случайному стечению обстоятельств, по вине, не зависящей от него.

И другое дело, когда все погибли вместе с ним в авиакатастрофе, по специальному стечению обстоятельств, по вине, зависящей только от него. Для отца это будет страшнее в тысячу раз – варварское, изощренное убийство сына. К тому же, несчастному старику придется нести на себе не только всю тяжесть смерти сына, но и гибель всех пассажиров того злосчастного рейса. Посмотреть Маркову в глаза? Наивный старик! Да тот только рассмеется ему в лицо, цинично и жестоко. Сведет его в гроб быстрее. Нет, тут нужно действовать по-другому.

Она вытянула листок из папки и протянула его Фишеру. Ловким движением пальцев, так, чтобы не заметил старик, она задвинула второй листок во внутрь папки.

Роберт Фишер молча перечитывал текст. Закончив, он вопросительно посмотрел на Дженни.

– Это все?

– Все.

– Но там было два документа!

– Второй дублирует первый, только другими словами, – соврала Дженни.

– Значит, все-таки погодные условия. Просто не повезло...

– Он все равно мерзавец, этот Марков, деньги не вернул – ни сыну, ни вам.

Старик махнул рукой.

– Бог с ними, с деньгами. Не в деньгах счастье. Ни мне, ни Джефу они счастья не принесли. И ему не принесут. Бог ему судья...

«Ну уж нет, господин Фишер, – подумала Дженни, – вот тут вы ошибаетесь. Вовсе и не Бог ему судья!»

Она вытащила из папки листки с русским текстом.

– Вот, мистер Фишер, возьмите. Это ваши.

Старик взглянул на непонятный ему русский текст, скомкал бумажки и, покачав головой, протянул их обратно Дженни.

– Зачем мне теперь это? Выбросите в мусор.

Дженни взяла скомканные листки, повернулась к мусорной корзине, но вдруг остановилась, на миг задумалась. Осторожно, чтобы не заметил старик, сунула руку с бумагами в карман.

– Что ж, мистер Фишер, мне пора. Спасибо, что согласились принять меня.

– Вы говорили, вам стала известна какая-то информация. Дженни собиралась рассказать Фишеру о том, как уволили Добровольского и создали новую комиссию, о результатах работы которой он только что прочитал. Но это было до их встречи. Теперь она была уверена, что старику совсем не нужно знать правду.

– Я... я просто узнала, что отчет о катастрофе был опубликован дважды. После первого отчета возникли разговоры. Некоторые, как и вы, подозревали, что самолет был неисправен. Через три месяца была назначена повторная комиссия. Но она подтвердила результаты первой.

– Что ж, спасибо вам, Дженни. Вы правы, сына не вернуть. А я теперь могу умереть спокойно, зная, что он погиб не от руки убийцы. Зная, что это не ваша страна убила его.

Дженни направилась к двери. Внезапно остановилась.

– Как вы сказали, зовут этого Маркова?

– Николай. Николай Марков. Только зачем это теперь?

– Хочу в глаза ему посмотреть, – уже в дверях проронила Дженни.

– Не стоят эти деньги того, не стоят... – пробормотал старик.

* * *

– Алекс, мне нужно в Сан-Диего. Завтра.

Алекс удивленно посмотрел на жену.

- Почему такая срочность? По делам?
- Да.
- Расскажешь?
- Обязательно, но только когда вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.